

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ СДЕЛОК ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ПРАВООГРАНИЧИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

УДК 346: 347. 133: 347. 41

МИХАЙЛОВ Д.И.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин Гомельского
государственного университета имени Ф.Скорины

Dimin.Mitr@yandex.by

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье анализируются последствия законодательного закрепления правил, запрещающих участникам недействительных договоров, принявшим исполнение, требовать признания недействительности таких договоров и инициировать реализацию последствий их недействительности. Значительное внимание уделено вопросам целесообразности совершенствования данных правил для учета интересов добросовестных участников недействительных договоров.

Ключевые слова: эстоппель, недействительная сделка, ничтожная сделка, оспоримая сделка, добросовестность, исполнение, встречное исполнение, запрет, ограничение, защита интересов.

Проектом изменений подраздела 2 раздела 3 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) предусматривается, в частности, ряд правил, направленных на имплементацию в систему гражданского права Республики Беларусь принципа «эстоппель», сформировавшегося в рамках англо-саксонской правовой системы [1]. Сущность принципа «эстоппель» (от англ. *estop* – «лишать права выдвигать возражения») заключается в том, что лицо лишается права заявлять о юридически значимых фактах, а также пользоваться принадлежащим ему правом вопреки своему предшествующему поведению, которое противоречит его реализации [2; 3]. Указанным проектом предусмотрена норма (ст. 401¹ ГК), согласно которой принявшая исполнение сторона несоответствующего законодательству ничтожного или оспоримого недействительного договора, заключенного при осуществлении предпринимательской деятельности, утрачивает право на установление факта его ничтожности или оспаривание, а также на применение последствий недействительности, за исключением случаев признания договора недействительным по основаниям, предусмотренным ст.ст. 174, 179 и 180 ГК [1]. В качестве условия неприменения названного правила указанным законопроектом предусмотрены заведомо недобросовестные действия стороны, осуществляющей исполнение недействительной сделки.

Данное правило разрабатывалось исходя из очевидной целесообразности повышения стабильности гражданского оборота, снижения количества удовлетворенных виндикационных исков, осложняющих соблюдение эффективного баланса интересов гражданских правоотношений, а также количества инвестиционных споров, в частности, связан-

ных с оспариванием законности приобретения акций, долей и иных активов. Однако законодательное закрепление указанного выше правила, основанного на принципе «эстоппель», повлечет ряд гражданско-правовых проблем, для разрешения которых потребуются совершенствование других норм разной институциональной принадлежности. Эти проблемы обусловлены отсутствием в правовой системе следующих факторов и категорий:

1) значимой роли судебных прецедентов в континентальной правовой системе, что исключает возможность восполнения пробелов посредством обращения к соответствующим судебным постановлениям;

2) субинститутов абстрактных и косвенных убытков, которые позволяют восстановить интересы собственника, лишённого возможности удовлетворения виндикационного иска по причине отрицания недействительности первой из нескольких сделок, в результате которой его имущество поступило в чужое незаконное владение;

3) отсутствием у акционерных и иных корпоративных соглашений статуса квазиустава компаний, что не позволяет отдельным участникам корпораций предотвратить совершение исполнительным органом неблагоприятных для юридического лица сделок, в том числе с заинтересованностью аффилированных лиц.

Целью данной работы является анализ возможных неблагоприятных последствий законодательного закрепления нормы, ограничивающей право участника сделки, принявшего исполнение, на защиту его интересов посредством признания недействительности сделки, применения последствий ее недействительности.

Ограничение права на установление факта ничтожности не соответствующего законодательству договора и на применение последствий его недействительности в связи с принятием исполнения существенно

осложнит защиту имущественных интересов того из ее участников, который, с одной стороны, принял исполнение, а с другой – имел обоснованные сомнения в ничтожности данной сделки или был лишен возможности получить информацию о нарушении законодательства на момент принятия исполнения.

В соответствии с правилом ст. 169 ГК сделка, не соответствующая законодательству, является ничтожной, если нарушенной нормой не предусмотрено право на ее оспаривание или иные правовые последствия. В части 4 п. 6 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда от 28 октября 2005 г. №26 «О некоторых вопросах применения хозяйственными судами законодательства, регулирующего недействительность сделок» разъясняется, что если за нарушение установленных требований либо за совершение сделки в нарушение запрета законодательством установлена ответственность в виде штрафа, изъятия в бюджет дохода и тому подобного, то наличие таких обстоятельств следует расценивать в качестве иных последствий нарушения, исключающих ничтожность сделки [4]. В связи с этим следует отметить, что данное разъяснение представляет собой востребованный правоприменительной практикой буквально-смысловый вариант толкования правила ст. 169 ГК. Слабой стороной этого толкования является недостаточная согласованность с правилом ст. 1 ГК, в соответствии с которым нормы гражданского законодательства не применяются к отношениям власти и подчинения.

С точки зрения соотношения правил ст.ст. 1 и 169 ГК возможен вариант толкования рассматриваемого правила, в соответствии с которым сделка, не соответствующая законодательству, является ничтожной, если иные правовые последствия не предусмотрены именно нормами гражданского, а не административного или финансового законодательства. Недостаточная определенность в толковании указанных правил может способствовать принятию добросовестным участником сделки встречного исполнения в качестве гарантии своевременного получения имущественного эквивалента на случай неудовлетворения иска об установлении факта ничтожности сделки и требования о реституции. Однако законодательное закрепление нормы о прекращении права принявшего исполнение участника на заявление требования об установлении факта ничтожности сделки поставит этого участника перед альтернативой между принятием исполнения и предъявлением иска об установлении факта ее ничтожности. При этом принятие встречного исполнения не устранил угрозу установления факта ничтожности по иску третьих лиц, что поставит добросовестного участника сделки в ситуацию экономической и правовой неопределенности. Не-

принятие встречного исполнения и обращение в суд с иском об установлении факта ничтожности приведет к некомпенсируемым имущественным потерям в случае отказа в удовлетворении данного требования.

Проблема правовой и экономической неопределенности частично исполненной сделки с пороком содержания может быть разрешена уточнением правила ст. 169 ГК посредством указания на отраслевую принадлежность норм и (или) сущность предусмотренных ими иных правовых последствий, исключающих ничтожность указанных сделок.

Значительно более значимым и сложноустранимым препятствием к успешной реализации запрета на установление факта ничтожности не соответствующей законодательству сделки и на применение последствий ее недействительности по инициативе принявшей исполнение стороны является информационная составляющая рассматриваемых правоотношений. Суть информационной проблемы состоит в том, что принявшая исполнение сторона в силу ряда объективных, не зависящих от нее причин, может не обладать информацией о несоответствии этой сделки законодательству и в то же время стать заинтересованной в установлении факта ее ничтожности.

Данная проблема актуальна, прежде всего, для сделок, ничтожность которых обусловлена несоответствием законодательству по причине недействительности предшествовавших им сделок и отсутствия у отчуждающей стороны необходимых вещных или обязательственных прав на переданное имущество. Добросовестный приобретатель имущества по указанной сделке на момент ее совершения не знает и не должен знать о ничтожности как сделки, совершенной им, так и первоначальной в цепочке недействительных сделок. По этой причине этот приобретатель исполняет ее сам и принимает исполнение от контрагента. При этом оплата приобретенного добросовестным приобретателем объекта может быть не осуществлена к моменту получения им информации о ничтожности сделки в силу наличия условий о рассрочке платежа или иных аналогичных правовых факторов. Примером объективной причины указанной неосведомленности может служить ненадлежащее одобрение оспоримой сделки высшим или наблюдательным органом юридического лица. После результативного оспаривания предшествующей сделки одним из управомоченных субъектов все последовавшие за ней сделки, направленные на передачу прав на отчужденную вещь, становятся ничтожными с момента их совершения как не соответствующие законодательству. Например, в результате рассмотрения дела №210-4/2005/920К кассационная коллегия Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь установила, что 2 мая 2003 г. директор ООО «В» едино-

лично продал ЗАО «Б» имущество возглавляемого им ООО «В» (здание) [5]. Решением хозяйственного суда Минской области от 22 апреля 2005 г. по делу №78-6/03 договор купли-продажи здания, заключенный ООО «В» и ЗАО «Б», был признан недействительным как совершенный директором общества с превышением полномочий (ст. 175 ГК). В свою очередь, ЗАО «Б» продало здание магазина ЗАО «А» по договору купли-продажи от 28 мая 2004 г. [5]. При этом кассационной инстанцией справедливо констатируется, что в данном случае последствия сделки, недействительность которой установлена решением хозяйственного суда от 22 апреля 2005 г. по делу №78-6/03, влекут незаконность приобретения ЗАО «Б» права собственности на спорное недвижимое имущество [5]. Исходя из этого, кассационной инстанцией подтверждается обоснованность вывода нижестоящих инстанций о ничтожности договора купли-продажи здания от 28 мая 2004 г. как сделки, не соответствующей требованиям законодательства [5]. Также в комментируемом постановлении констатируется, что обстоятельства дела указывают на то, что имущество по предшествующей оспоримой недействительной сделке выбыло помимо воли собственника, поскольку сделка совершена от имени юридического лица директором, полномочия которого ограничены учредительными документами [5].

Таким образом, из приведенного примера могут быть усмотрены все необходимые условия для предъявления и удовлетворения виндикационного иска ООО «В» как собственника, совершившего первоначальную недействительную оспоримую сделку помимо своей воли, к ЗАО «Б», добросовестному незаконному приобретателю здания по последующей ничтожной сделке, не соответствующей законодательству. С учетом сложившейся судебной практики вопрос о возможных проблемах квалификации совершенной с превышением полномочий директора оспоримой сделки как способа выбытия имущества помимо воли юридического лица остается актуальным. Причиной данной проблемы является вариативность толкования правила ст. 282 ГК. В любом случае в рассматриваемой ситуации высока степень вероятности удовлетворения виндикационного иска, предъявленного организацией-собственником к последующему добросовестному приобретателю. При этом при удовлетворении виндикационного иска нарушенные истребованием имущества интересы последующего добросовестного приобретателя могут быть хотя бы частично восстановлены посредством заявления требования о реституции по не соответствующей законодательству ничтожной сделке. Гарантированное удовлетворение такого требования позволит взыскать с промежуточного приобретателя (стороны ничтожной сделки) уплаченную конечным приобрете-

лем цену за истребованное по виндикационному иску имущество, хотя и без возмещения убытков и взыскания неустойки. Однако законодательное закрепление правила, запрещающего заявление реституционных требований принявшим исполнение участником не соответствующей законодательству ничтожной сделки, приведет к утрате возможности добросовестного приобретателя реализовать данный способ защиты его имущественных интересов. Условием реализации права на реституцию станет доказывание последующим добросовестным приобретателем заведомой недобросовестности промежуточного приобретателя при передаче вещи, приобретенной им по предшествующей недействительной сделке. Однако как в приведенном примере, так и в аналогичных ситуациях доказывание недобросовестности промежуточного отчуждателя будет затруднительным. А в случае ненадлежащего одобрения уполномоченным органом организации-собственника первоначальной оспоримой сделки или принятия таким органом недействительного решения по данному поводу доказывание недобросовестности промежуточного приобретателя станет практически невозможным. Это будет означать, что способом защиты интересов добросовестного последующего приобретателя вещи, истребованной в результате удовлетворения виндикационного иска, станет предъявление к промежуточному приобретателю кондикционного иска.

Однако обоснованность искового требования о взыскании с промежуточного приобретателя цены последующей ничтожной сделки, уплаченной конечным добросовестным приобретателем, в качестве суммы неосновательного обогащения, на наш взгляд, была поставлена бы в зависимость от толкования правила ст. 971 ГК. Согласно ст. 971 ГК условиями взыскания суммы неосновательного обогащения являются отсутствие правового основания ее получения (сбережения) и незаконное сбережение этой суммы именно за счет правообладателя. В соответствии с буквальным толкованием указанной нормы ничтожность последующей сделки ввиду неприобретения промежуточным приобретателем необходимого права на отчуждаемую вещь формально исключает законность получения и, соответственно, сбережения уплаченной за нее цены. Запрет на установление факта ничтожности и реституцию по инициативе принявшей исполнение стороны, основанный на принципе «эстоппель», сам по себе не устраняет ничтожности сделки и поэтому не легитимизирует получение и сбережение денежной суммы, полученной промежуточным приобретателем за вещь. Однако в соответствии с системно-смысловым толкованием правила ст. 971 ГК применительно к рассматриваемой ситуации обоснованность кондикционного иска конечного приобретателя оказалась бы под сомнением в силу ограничения на

установление факта ничтожности сделки. Запрет на реституцию по инициативе принявшей исполнение стороны мог бы быть квалифицирован как основание легитимации исполнения ничтожной сделки именно для ее участников (промежуточного и конечного приобретателей), но не для третьих лиц, в частности собственника, истребовавшего вещь посредством виндикации. Это обусловлено тем, что согласно ст. 972 ГК требование о взыскании неосновательного обогащения может быть удовлетворено, если иное не предусмотрено правилами о возврате исполненного по недействительной сделке. Таким образом, если правила о последствиях недействительности сделок будут запрещать реституцию по инициативе принявшей исполнение стороны, то удовлетворение иска о взыскании суммы неосновательного обогащения будет противоречить этим правилам, что исключит его системно-смысловую обоснованность.

Нашедшее отражение в анализируемом проекте ограничение на установление факта ничтожности не соответствующих закону сделок, а также предусмотренное этим проектом ограничение на оспаривание почти всех видов оспоримых сделок по требованию принявшей исполнение стороны может нанести серьезный некомпенсируемый ущерб не только последующему приобретателю виндцированной вещи, но и другим участникам гражданских правоотношений. Для иллюстрации приведем пример из судебной практики, который подтверждает определенную степень вероятности совершения руководителем организации-должника сделок с имуществом этой организации после вступления в законную силу определения экономического суда об открытии конкурсного производства в нарушение запрета, предусмотренного в ст. 100 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. №415-3 «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон №415-3).

В результате рассмотрения дела №293-13/2014 экономический суд Гомельской области установил факт ничтожности договора о переводе долга, в соответствии с которым ООО «Э» (должник), ОАО «П» (новый должник) и ООО «К» (кредитор) пришли к соглашению о переводе долга ООО «Э» на ОАО «П». От имени ООО «Э» договор был подписан директором, утратившим право заключения сделок, направленных на распоряжение имуществом этой организации с момента открытия в отношении нее конкурсного производства [6]. Удовлетворяя иск антикризисного управляющего ООО «Э» об установлении факта ничтожности данного договора, экономический суд Гомельской области обоснованно пришел к выводу о его несоответствии правилу ч. 8 ст. 100 Закона №415-3 [6].

В подобных ситуациях сумма обязательства прежнего должника перед новым может суще-

ственно превышать сумму переведенного долга, что влечет за собой увеличение его неплатежеспособности ради удовлетворения имущественных интересов одного кредитора в ущерб остальным. Однако запрет на заявление требований об установлении факта ничтожности сделок, не соответствующих законодательству, в зависимости от толкования мог бы быть распространен и на соответствующие иски антикризисных управляющих, если организация-должник успела бы принять исполнение по ничтожной сделке. При этом исполнение новым должником соглашения о переводе долга посредством его уплаты кредитору не зависит от воли прежнего должника. Кроме того, в рассмотренном примере квалификация действий нового должника по уплате долга прежнего, экономически несостоятельного должника как заведомо недобросовестных была бы существенно осложнена фактом принятия новым должником значительного риска неполучения от несостоятельного должника большего по стоимости встречного предоставления.

В отличие от не соответствующих Закону №415-3 ничтожных сделок, заключенных исполнительным органом организации-должника после открытия конкурсного производства, оспаривание антикризисным управляющим неблагоприятных сделок должника в значительно меньшей степени будет осложнено рассматриваемым запретом «эстоппель». Правила ст.ст. 109 и 110 Закона №415-3 предусматривают в качестве условия оспаривания неблагоприятных сделок должника факт осведомленности контрагента об увеличении неплатежеспособности должника в результате исполнения сделки или о заведомой неэквивалентности обязательств сторон [7, с. 76–80]. Доказанный факт указанной осведомленности контрагента может быть интерпретирован как обстоятельство, подтверждающее заведомую недобросовестность предоставления исполнения с его стороны. Исключением являются оспоримые сделки, совершенные за 6 месяцев до возбуждения дела о банкротстве и направленные на предпочтительное удовлетворение требований одних кредиторов перед другими (абз. 2 ч. 1 ст. 109 Закона №415-3). Например, заключая договор поставки с условием о предоплате всех партий товаров и поставляя первую партию товара, поставщик может добросовестно заблуждаться относительно степени платежеспособности покупателя.

Аналогично правилам об оспоримых сделках несостоятельного должника на специфике волеизъявления юридических лиц основаны нормы Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. №2020-XII «О хозяйственных обществах» о сделках с заинтересованностью аффилированных лиц и крупных сделках, а также правило ст. 175 ГК об оспоримых сделках с превышением полномочий органа управления юридического лица и представителя.

Законодательное закрепление запрета на оспаривание сделок принявшей исполнение стороной поставит в зависимость защиту интересов хозяйственного общества, нарушенных неблагоприятными последствиями сделок с заинтересованностью, от доказывания факта недобросовестного предоставления исполнения со стороны контрагентов по таким сделкам. В этом случае вероятность доказывания будет зависеть от типа и степени взаимосвязи между контрагентом общества и его аффилированным лицом. Если контрагентом общества по неблагоприятной сделке выступит само аффилированное лицо и это лицо в силу своих полномочий будет предположительно осведомлено о неблагоприятности сделки для общества, то доказывание заведомой недобросовестности предоставления исполнения таким контрагентом не представит особой сложности для истца. Однако если в качестве контрагента хозяйственного общества будет выступать не само аффилированное лицо, а, например, организация, директором которой является его близкий родственник, то доказывание факта недобросовестности предоставления исполнения такой организацией несколько усложнится. В данном случае оспаривающий сделку субъект должен будет доказать также факт осведомленности директора организации-контрагента о неодобрении сделки высшим или наблюдательным органом хозяйственного общества, а возможно и факт осведомленности о неблагоприятных для общества последствиях. Доказывание факта заведомой недобросовестности принятия исполнения контрагентом общества по сделке с заинтересованностью значительно усложнится, если в качестве такового будет выступать юридическое лицо, контролируемое организацией, являющейся аффилированным лицом общества. В этом случае субъекту, оспаривающему сделку с заинтересованностью, потребуется доказывание следующих фактов:

- 1) осведомленности организации-контрагента об участии одного из участников в уставном фонде хозяйственного общества;
- 2) неодобрения сделки с заинтересованностью высшим или наблюдательным органом общества;
- 3) угрозы возникновения неблагоприятных для общества последствий исполнения сделки.

Анализируемое правило, основанное на принципе «эстоппель», при его законодательном закреплении в предлагаемой редакции значительно усложнит защиту интересов хозяйственного общества, нарушенных совершением неблагоприятной для него крупной сделки в отсутствие одобрения ее высшим органом. Обусловлено это тем, что доказывание факта осведомленности контрагента значительно усложнится в сравнении со сделками с заинтересованностью по причине отсутствия взаимосвязи между обществом и его контрагентом. Контрагент общества по крупной сделке не обязан запрашивать

информацию о соотношении суммы данной сделки и стоимости активов хозяйственного общества на момент ее совершения.

Аналогичным образом усложнится также оспаривание сделок, совершенных исполнительным органом любого юридического лица с превышением его уставных полномочий, то есть не одобренных высшим или наблюдательным органом данного лица в случаях, прямо предусмотренных в уставе. Доказывание факта заведомой недобросовестности предоставления исполнения противоположной стороной в этом случае будет означать установление таких обстоятельств, как ознакомление контрагента с уставом юридического лица и получение им информации о неодобрении (ненадлежащем одобрении) сделки.

Таким образом, запрет оспаривания сделок принявшим исполнение субъектом значительно усложняет или исключает защиту интересов юридических лиц и их участников, несмотря на то, что заключение недействительных сделок и принятие их исполнения обусловлено недобросовестными действиями руководителей и отдельных участников. На наш взгляд, по смыслу ст. 49 ГК волеизъявление юридического лица и его руководителя не следует отождествлять в тех случаях, когда полномочия руководителя ограничены законом или учредительными документами [8, с. 67–69]. Исходя из этого, можно заключить, что принятие исполнения юридическим лицом по сделке, недействительность которой обусловлена реализацией полномочий руководителя в ущерб интересам организации, можно квалифицировать как действие, совершенное помимо воли юридического лица.

Однако такая квалификация, по нашему мнению, будет справедлива в зависимости от ситуации, сложившейся на момент принятия исполнения внутри соответствующей корпорации. Возможны случаи, при которых на момент принятия исполнения оспоримой недействительной сделки, совершенной с превышением полномочий руководителя, могут быть доказательства фактического одобрения всеми участниками организации соответствующей сделки. При этом последующее оспаривание сделки как самим юридическим лицом, так и любым его участником действительно будет носить недобросовестный характер, что не способствует ни стабильности гражданского оборота, ни обеспечению баланса имущественных интересов участников рассматриваемых отношений.

Анализ прогнозируемых последствий законодательного закрепления правил, запрещающих принявшей исполнение стороне ничтожной сделки, не соответствующей законодательству (а равно оспоримой сделки), требовать признания недействительности и применения реституции, позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Законодательное закрепление правоограничения, оговоренного в ст. 401¹ ГК анализируемого законопроекта повлечет следующие последствия:

а) риск необоснованного ущемления имущественных интересов тех участников не соответствующих закону ничтожных договоров, которые на момент принятия их исполнения не знали и не должны были знать о несоответствии данных сделок законодательству. Это означает, что действия этих участников по принятию исполнения сделки следует квалифицировать как добросовестное поведение;

б) зависимость защиты интересов добросовестного приобретателя чужой вещи, нарушенных в результате истребования ее собственником, от удовлетворения иска о взыскании суммы неосновательного обогащения, которое, в свою очередь, будет зависеть от толкования ряда правил;

в) значительное усложнение установления факта ничтожности сделок, совершенных с нарушением законодательства об экономической несостоятельности, в частности после открытия конкурсного производства;

г) возникновение зависимости оспаривания неблагоприятных сделок несостоятельного должника, совершенных в преддверии банкротства, от доказывания управляющим факта осведомленности (недобросовестности) контрагента, что существенно усложнит, например, оспаривание договоров, направленных на предпочтительное удовлетворение денежных требований одних кредиторов перед другими;

д) утрата возможности защиты интересов юридических лиц, руководители которых действовали в ущерб их интересам как на момент совершения сделок с превышением полномочий, так и на момент принятия их исполнения.

2. Отказ от законодательного закрепления указанного правила не является оптимальным способом преодоления данных негативных последствий, так как не будет способствовать соблюдению принципа добросовестности и стабильности гражданского оборота.

3. Для разрешения рассмотренных проблем следует доработать правило проекта ст. 401¹ ГК по следующим направлениям:

- поставить запреты на признание недействительности сделки и реституцию по инициативе принявшей исполнение стороны в зависимости не только от заведомой недобросовестности передающей имущество стороны, но также от степени добросовестности принимающей исполнение стороны;

- исключить применение указанных запретов в отношении ничтожных сделок, совершенных руководителем несостоятельного должника, а равно временным или антикризисным управляющим после возбуждения дела о банкротстве;

- ограничить действие данного правила в отношении неблагоприятных оспоримых сделок несостоятельного должника посредством изъятий из презумпции добросовестности контрагентов несостоятельного субъекта по таким сделкам.

1. О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь: проект Закона Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://forumpravo.by/files/pczpi_zakon_proekt_izmenenija_v_kodeksi.pdf. – Дата доступа: 20.01.2020.

2. О Словаре юридической терминологии для государств – участников МПА СНГ: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества независимых государств от 23 ноября 2012 г. №38-23 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=n21200189&q_id=2245948. – Дата доступа: 20.01.2020.

3. Белявский, С.Ч. Обзор планируемых к принятию новелл Гражданского кодекса Республики Беларусь // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – Режим доступа: http://etalonline.by/document/?regnum=u01903537&q_id=1392256. – Дата доступа: 20.01.2020.

4. О некоторых вопросах применения хозяйственными судами законодательства, регулирующего недействительность сделок: постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда от 28.10.2005 г. №26 [Электронный ресурс] // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=x20500026&q_id=2245956. – Дата доступа: 20.01.2020.

5. Постановление Кассационной коллегии Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2005 г. (дело 210-4/2005/920К) [Электронный ресурс] // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – Режим доступа: http://etalonline.by/document/?regnum=x20500127u&q_id=1392227. – Дата доступа: 20.01.2020

6. Решение экономического суда Гомельской области от 29.12.2014 г. (дело №293-13/2014) [Электронный ресурс] // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – Режим доступа: http://etalonline.by/document/?regnum=x914g0123s&q_id=1392237. – Дата доступа: 20.01.2020.

7. Михайлов, Д.И. Сделки с заинтересованностью в отношении должника, влекущие причинение ущерба его кредиторам / Д.И.Михайлов // Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. – 2013. – №2. – С. 73–81.

8. Михайлов, Д.И. Правовые последствия совершения хозяйственным обществом сделок, не соответствующих основным направлениям его деятельности / Д.И.Михайлов // Судовы вестнік. – 2015. – №1. – С. 63–69.

Материал поступил в редакцию 21.01.2020

D.I. MIKHAILOV

Invalidity of legal transactions of corporate bodies

The article analyzes the consequences of the legislative consolidation of rules prohibiting the parties to invalid contracts, having accepted execution thereof, to demand recognition of invalidity of such contracts and initiate implementation of the consequences of their invalidity. Considerable attention is paid to the advisability of improving these rules for taking into account the interests of bona fide parties to invalid contracts.

Keywords: *estoppel, invalid transaction, null and void deal, contentious transaction, good faith, execution, counter-execution, prohibition, restriction, protection of interests.*

Рецензент: КОПЫТКОВА Н.В., кандидат юридических наук